

Золотарев Александр Михайлович

**Родовой строй и религия
ульчей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Михайлович З.**
Родовой строй и религия ульчей / Золотарев Александр Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 207 с.

ISBN 978-5-519-86292-9

ISBN 978-5-519-86292-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

родовых отношений ульчей. В 1933 г. в Хабаровске издается сборник работ Л. Я. Штернберга, включающий некоторые краткие путевые заметки об ульчах. В 1934 г. С. В. Иванов опубликовал статью «Происхождение женского искусства по воззрениям народов Дальнего Востока», основанную на собранных среди ульчей легендах,* а в 1935 г. — статью «Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой»,** содержащую некоторые материалы по верованиям и обрядам ульчей. Этим исчерпывается литература об ульчах. Как видим, она очень невелика и далека от полноты. Специальных исследований, посвященных ульчам, почти нет, а капитального исследования нет ни одного.

Публикуемая работа лишь отчасти пополняет этот пробел. Этнография ульчского народа настолько богата и многообразна, что потребовались бы многие томы для ее описания. Не претендуя на полноту, мы все же полагаем, что публикуемые нами материалы окажутся не бесполезными для историков первобытного общества, историков народов СССР, этнографов.

**
*

Публикуемые здесь материалы собраны автором во время двух экспедиций на Амур, совершенных в 1934 и 1936 гг. по поручению и на средства Московского Отделения Государственной Академии Истории Материальной Культуры (МОГАИМК). Сама работа выполнена в плане и по заданию названного учреждения.

В настоящем издании для транскрибирования ульчских слов приняты русские буквы. Однако необходимо иметь в виду, при чтении, что:

- звук Л произносится мягко, как первое L в немецком (Löffel)
- звук З произносится, как средний между ДЖ и З
- звук Э произносится, как средний между русскими Э и Ы.

* Ivanow, 1934

** Иванов, 1935.

ВВЕДЕНИЕ

Исторический очерк

История народов Амура еще не написана. Наши сведения по истории народов Амура до начала второй русской колонизации настолько отрывочны и сбивчивы, что в настоящее время невозможно дать связный очерк их исторического прошлого; тем более это трудно сделать в отношении ульчей — небольшого народа, фактически племенной группы, которую научились отличать от гиляков и гольдов только в XIX в. и которая ныне, в стране победоносного социализма расцветает как и все другие народы нашей великой родины.

Кратко изложим имеющиеся в нашем распоряжении сведения.

Древнейший период

Хотя по своим климатическим и геологическим условиям Приамурский край был вполне пригоден для обитания человека в четвертичную эпоху, тем не менее достоверных следов палеолита здесь не найдено. Древнейшие известные здесь памятники относятся к неолитической эпохе.*

На всем протяжении от Хабаровска до Николаевска, по берегам Амура, часто при впадении в Амур небольших речек, расположены остатки неолитических поселений, из числа которых наилучше изучена стоянка на острове Сучу, против Мариинска. Гора Сучу с седловидной вершиной возвышается над уровнем воды на 80—100 м. По краю бугра тянется длинный ряд больших круглых ям, расположенных часто на расстоянии всего метра друг от друга. Это — остатки древних землянок. Они имеют диаметр более 10 м, а глубиной достигают до 2—2,5 м. В центре каждой ямы находится небольшое возвышение. Все

* Крапоткин и Буссы, 1908; Матвеев З., 1925, стр. 79—83; Пашкина М., 1935, стр. 211—217; Окладников А. И., 1936, II, стр. 276—288.

лмы окружены по краю более или менее ясно выраженным валом. [При раскопках в них найдено множество осколков сосудов, изготовленных без гончарного круга]. Сосуды плоскодонные, с выпуклыми стенками, сильно суживающиеся к шейке. Размеры их сильно варьируют. Наряду с небольшими сосудишками встречаются и очень крупные горшки. Все сосуды покрыты примитивным орнаментом в виде ямок и рядов неглубоких насечек, напоминающих отпечатки гребешка. На некоторых фрагментах попадаются прочерченные орнаменты в виде спиралей, выходящих из одного центра и напоминающих современный амурский орнамент. В этих же землянках найдены плоские широкие топоры из темносерого сланца, наконечники мотыг, каменные наконечники стрел, зернотерки и грузила для сетей.]

Характер инвентаря так же как расположение стоянок позволяет утверждать, что стоянки типа Сучу представляют собой древние поселения рыболовов, отчасти охотников, живших, вероятно, в условиях матриархально-родового строя. Для характеристики общественных отношений приамурского населения этой эпохи могут быть использованы материалы китайских летописей, относящиеся к народам сушень, илоу, мохэ, обитавшим в первых тысячелетиях до и после нашей эры в Манчжурии.

Сушень, илоу, мохэ — собирательные названия для ряда древних племен, считающихся предками тунгусо-манчжуров. Вероятно, неолитическое население Амура входило в число народов, собирательно обозначавшихся китайскими летописями под этими названиями. Сушени жили в землянках, где дымовое отверстие служило одновременно выходом, занимались охотой и рыболовством, наконечники копий и стрел делали из камня; у сушени много матриархальных черт, и их «начальники» не имели власти за пределами своего рода.*

Таким образом, их культура во многом совпадала с культурой амурского неолита, конец которого приходился, примерно, на VII—VIII вв. нашей эры.

Период тунгусских государств

В VII в. нашей эры среди варварских племен Манчжурии возникло государство Бохай. Сведения о Бохай содержатся как в китайских, так и японских источниках; тем не менее остается спорным вопрос о территориальных границах Бохайского царства. В то время, как одни историки помещают центр государственной жизни бохайцев на полуострове Ляо-дун, другие полагают, что бохайцы, состоявшие в близком родстве с корейцами, занимали долину р. Суйфуна, верховье Уссури, восточ-

* Иакинф, 1851, II, стр. 178—179; Иакинф, 1842, II, стр. 254 и 255; Матвеев З. Н., 1929, стр. 359—360.

ную часть Гиринской провинции и Южно-Уссурийский край, включая окрестности Владивостока.* Если последняя точка зрения верна, то мы вправе сделать вывод, что амурские племена уже в VII—IX вв. подвергались влиянию довольно высокой культуры, культуры бесспорно классового общества, с которой они были связаны прямой водной артерией—Амур—Уссури. При этом допущении оказывается верной гипотеза, усматривающая в некоторых амурских древностях памятники бохайской деятельности.)

К числу таких памятников должны быть отнесены Сакачи—Алянские камни и камни из Нижней Хальбу.* Это большие тесаные плиты — очевидно остатки каких-то сооружений, возведенных на берегу Амура и впоследствии развалившихся или подмытых водой. В настоящее время камни эти при паводках оказываются в воде. На них отчетливо видны высеченные широкой бороздой изображения оленя и концентрические круги, изображающие, очевидно, солнце. Особенно интересен большой камень, стоящий на берегу Амура в Калиновке (Ульчский район). В центре изображения находится три человеческих лица, выполненных в своеобразной стилизованной манере, а сверху и снизу по две лодки с многочисленными гребцами, изображенными вертикальными черточками. По своему общему облику вся композиция напоминает памятную плиту, поставленную в честь какого-нибудь похода. Три лица—изображения начальников, лодки и гребцы указывают число судов и людей, участвовавших в походе. Очевидно, это изображение высечено в память о походе какого-нибудь древнего народа — возможно бохайцев — на Амур. Однако, по свидетельству китайских летописей, бохайцы уже знали иероглифическое письмо, в то время как на описываемых памятниках никаких следов письма не обнаружено. Гольды и ульчи приписывают эти изображения народу «хань» или «ха», что можно сопоставить с именем китайской династии хань (206 до х. э. — 220 х. э.) Если это предположение верно, то описываемые памятники относятся к более древней, чем бохайская, эпохе.

Китайские летописи, рисуящие Бохай как культурное и богатое государство, не свободны от преувеличения. Они рассказывают, что бохайцы имели в своем распоряжении сильную армию и флот и совершали набеги на южных соседей и на Японские острова. Население Бохая было культурно, знакомо с письменностью китайского образца, обучалось в школах. Неприемлемым не разрешалось вступать в брак. Столица бохайцев бы-

* Гребенщиков А. В., 1916, стр. 56 и сл.; Меньшиков, 1917; Позднеев Д. Н., 1897, стр. 20—23. Гребенщиков А. В., 1926, стр. 107 и сл.

** Харламов Н. Г., 1933, стр. 42—43.

ла расположена недалеко от Сан-Сина. Но, кроме того, бохайцы имели еще четыре столицы, пятнадцать больших и шестьдесят маленьких городов. Для гражданского управления существовали чиновники, для военного — комитет генералов. У бохайцев были дипломаты и послы, посещавшие японские и китайские дворы. В этой картине, конечно, не мало фантазии и обычных для китайских источников преувеличений. Однако бесспорно, что в Уссурийском крае находят много памятников весьма высокой культуры, относящихся к эпохе Бохай: остатки городов, развалины крепостей, следы рвов, дорог, монеты, оружие и т. д.

На Амуре памятниками этой эпохи могут считаться землянки с громадным наслоением раковин и рыбьих костей, где наряду с преобладающими костяными орудиями появляются первые следы медных изделий.

Керамика этой эпохи представлена чашами с узкой ножкой, в виде двух конусов, соединенных вершинами, крупными сосудами — вазами с узким горлом и необычайно широким венчиком, орнаментированным кольцевыми линиями. В наслоениях этих землянок найдены черепа собак и кости свиньи. Известны погребения этой эпохи.

К концу бохайской эпохи и к началу киданско-чжурженского периода относятся, очевидно, памятники ранне-железного века, которые делятся на две группы: первая — близ Уссури: остатки городищ и поселений с землянками, серая лощеная и неолитическая керамика, следы земледелия и скотоводства; вторая — в районе озера Кизи, Тыра, Николаевска: круглодонные сосуды с плетеным орнаментом, обилие костяных изделий, обработка привозного железа наряду с пережиточной техникой изготовления каменных изделий. Охота и рыболовство, как основное занятие.* В бохайскую эпоху, по показаниям китайской летописи, близ озера Кизи жил народ Кушо.**

В первой половине X столетия государство Бохай было опрокинуто монгольским племенем киданей, государство которых не простиралось столь далеко на северо-восток, как бохайское; оно не охватывало Приамурского края, где в это время был разделен род чжурженей или нюэ-чжи.

В 1115 году нюэ-чжи разбили киданей и вскоре утвердили свое господство над северным Китаем и Кореей. Власть нюэ-чжи

* Окладников А. П., I, 1936, стр. 3—5. Его же, II, 1936, стр. 276—277. Нельзя согласиться с утверждением Окладникова об «автохтонности исторического процесса от неолита до раннего железа» на территории Приамурья. К археологич. исследов. 1936, стр. 277. Еще в XVII в. расспросы казаков установили, что металлургии на Амуре нет. Железо привозится из Манчжурии и Китая.

** Гребенщиков, 1926, стр. 106.

простирались до среднего течения Амура, но низовья Амура описываются в географиях этого времени как некультурные страны, населенные дикарями цзи-ли-ми (ги-ля-ми). Южно-Уссурийский край составлял чжурчженский округ Сюипин. На территории нынешнего Приамурского края китайские географы называют несколько кланов, связать которые с современным населением не представляется возможным.*

Миньская эпоха

Более отчетливые сведения относятся к правлению династии Минь (1368 — 1644 гг.). От этой эпохи уцелел чрезвычайно интересный памятник — плита с надписью на трех языках (китайском, чжурчженском и монгольском), поставленная около кумирни, на Тырском утесе, что против впадения Амгуни в Амур. От кумирни сохранились только разбросанные то тут, то там кирпичи: большая колонна, стоявшая около кумирни, сброшена в воду, в шестидесятых годах прошлого столетия фанатичными и невежественными попами, а плита с надписью хранится во Владивостокском музее. Надпись сильно пострадала, и полностью восстановить ее текст невозможно. Из сохранившихся обрывков текста мы узнаем, что зимой 1412 г. сын неба приказал придворному чиновнику Ишиха отправиться в страну Нургань и всех жителей как мужчин, так и женщин пожаловать платьем и утварью, дать им хлеба и угостить их вином. Весной 1413 г. Ишиха выполнил это поручение, спустившись вниз по Амуру на 25 больших лодках в сопровождении 1000 солдат. Он застал страну населенной цзи-ли-ми и другими дикарями. «Страна их не родит хлеба, не производит полотна и шелка, и жители разводят собак и диких (слово затерто — повидимому, оленей). Занимаются рыболовством, питаются мясом, одеваются в шкуры и любят стрелять из лука; трудности заготовления пищи и одежды невозможно выразить» — говорится в надписи.

Спустя 21 год тот же Ишиха совершил, по распоряжению императора, второй поход на Амур, в честь которого поставил второй памятник, погибший при разрушении кумирни. Но надпись с него сохранилась в одной китайской географии. Из нее

* «Остальное пространство нынешней северо-восточной Манчжурии, затем Приамурье, Приморская область были владением могущественного рода чернореченских мохэ и возвысившихся из их среды народа джурджени. Так называемые «нецивилизованные», т. е. неподчинившиеся Китаю джурджени располагались на север по побережью Амура, почти от самого устья Сунгари, а на юг от берега Нижнего Амура жили «цивилизованные», т. е. подчинившиеся Китаю джурджени. Для получения инородцами этого титула от Китая достаточно было прислать хоть раз посольство в китайскую столицу и начать, таким образом, торговые и политические сношения». Гребенщиков, 1926, стр. 106—107.

мы узнаем, что варвары разных стран приходили к Миньскому двору. Встречаем также упоминание о народе цзи-ли-ми (собирательное название для гиляков, части гольдов и ульчей), и кучи (айны), доступ к которым возможен только на судах. Далее мы узнаем, что в числе местных произведений, отправленных нурганцами в дань Миньскому двору, были кречеты. Наконец, в той же географии говорится, что в 1434 г. тот же Ишиха вновь отправился в страну Нургань и нашел кумирню разрушенной. Тогда он выстроил новую. Там же говорится, что Нурганьский военный округ был учрежден в 1404 г. Ежегодная дань его жителей состояла из кречетов, соболей и других местных произведений. Но еще за несколько лет до этого жители Нургань приносили дань.^{*} Из этих сведений явствует, что при Миньской династии была сделана попытка включить Амур в границы китайского государства. В это время на Амуре обитали цзи-ли-ми, жившие так же, как жили лет 30 назад гиляки и гольды, а на Сахалине айны. Кроме того упоминаются и оленеводы. «Дань», которой китайцы Миньской эпохи обложили нурганцев, состояла из орлов и соболиных шкур. Китайцы пытались привить туземному населению буддизм, но появлялись они на Амуре весьма редко и едва ли могли оказать глубокое влияние на быт туземного населения. Однако, очевидно, с этого времени начинают проникать в быт амурских туземцев одежды манчжурского покроя, буда, водка, рис, начинается торговля с манчжурскими купцами.

Археологические исследования показали, что в Миньскую эпоху по всему Амуру распространились жилища с каменными кладками теплых нар — кан.^{**} заимствованные народами Амура у манчжур. Таким образом, мы можем заключить, что амурские народы по своему бытовому, неолитическому укладу близкие камчадалам, корякам, чукчам и, следовательно, своими глубочайшими корнями связанные с коренным населением Сибири, соприкоснулись в VIII — XII вв. с чуждой цивилизацией; но только в Миньскую эпоху манчжуро-китайская культура оказала заметное влияние на культуру амурских народов, заимствовавших у китайцев металлы, тип жилищ, покроем одежды, посуду, орнаментальные мотивы. К Миньской эпохе относится, очевидно, начало регулярных торговых сношений амурских народов с Китаем, а также ряд неудачных попыток включить Амур в китайскую административную систему.

Начиная с конца XV в. и до начала XVII в., мы не имели никаких сведений о народах Амура. Объясняется это, вероятно, внутренними смутами, сопровождавшими упадок Миньской династии. Важнейшим из известных нам фактов этого времени является выселение даурских племен из глубины Манчжурии на

^{*} Попов, II, 1904—1905.

^{**} Окладников А. П., 1936, I, стр. 4.

Амур, имевшее место в конце XV в. Скотоводы и земледельцы дауры оказались проводниками китайско-манчжурской культуры в XVI—XVII вв., когда сами китайцы почти не появлялись на Амуре.

Народы Амура в XVII веке

В XVII в. мы узнаем об Амуре уже из русских источников. По всей вероятности русские провели о реке Амур в 1636 г.

Ватага казаков, посланная из Томска на Алдан, узнала от тунгусов, что они ведут торговлю с оседлым земледельческим народом, живущим на реках Зее и Шилке. Тунгусы рассказали также о реке Омуте (Амгунь), по которой также живут тунгусы, торгующие с народом, называемым натканы. Последние живут на реке Амуре, впадающей в море. Тунгусы приносят натканам соболей, а в обмен получают серебро, медные котлы, стеклянный бисер, шелковые и бумажные материи, которые натканы выменивают у другого народа, занимающегося земледелием и скотоводством. Атаман Максим Перфильев узнал от витимских тунгусов, что в Даурской земле добываются медные, серебряные и свинцовые руды, а из Никанского царства* и приходят различные товары, в том числе шелк. Рассказы тунгусов, разжигая жадность казаков, толкали их на объяснение амурской земли, рисовавшейся им страной с молочными реками и кисельными берегами. Так, в одном документе второй половины XVII в. говорится: «Из всех государских сибирских городов на той Даурской земле всякий хлеб родится: рожь и яровой из единой меры родится 50 и 60 и 70 мер. А по великой реке Амуре по берегам и по островам сам собою виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амур против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб, белуг чистых больших, калужек, осетров, стерлядей, сазанов, лососей и всякой мелкой бесчисленно много, и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же имени не знати. А с левой стороны великия реки Амура... зело великия леса и всякого зверья без числа лесного и по рекам рыбы таже много».**

Подобные слухи привели письменного голову Василия Пояркова в Амурский край. Летом 1643 г. Поярков в сопровождении 130 человек промышленников и казаков отправился из Якутска. Он поднялся по рекам Лене, Алдану, Учуре и Гоному. Застигнутый морозами, Поярков оставил 40 человек на Гоне, а с

* Никанское царство — Китай: происходит от «нека» — манчжурского названия китайцев.

** Сибирские летописи, Москва, 1907, стр. 390.

«стальными людьми перевалил пешком через Становой хребет в долину реки Бренды, по которой дошел до Зеи. Двигаясь вниз по Зее, Поярков дошел до реки Умлекан, где жил «даурский князец Доптыул с родом своим, а роду его 15 человек». «И даурского князца Доптыула Кенчюлаева, он, Василий, поймал с атаманы, и его Доптыула Кенчюлаева он, Василий, спрашивал про Зию и про Шилку реку и про сторонние речки, кои впади в Зию и Шилку реку, и какие по тем речкам люди живут, и дают ли они кому ясак с себя и про серебряную и медную свинцовую руду и про синюю краску, чем кумачи красят, и на Зие и Шилке реке серебро родица ли, и медная и свинцовая руда и синяя краска, чем кушаки красят, есть ли, и камки* и кумачи».**

Узнав от пленных дауров, что на Шилке и Зее реках серебро не родится и камок и кумачей не делают, и медной и свинцовой руды нет, и что бисер и материи приходят от хана. «что живет ордой, а город у него рубленый, а около города вал земляной, и бой у них лучной и огненной и пушек много...», Поярков все же пустился дальше на приискание неведомых земель. Он спустился на судах вниз по Зее и вышел на Амур, по которому поплыл по направлению к устью. Перезимовав в гилияцкой земле весной 1645 г., он вышел через устье Амура в Охотское море и кружным путем вернулся (в июне 1646 г.) в Якутск.

В 1649 г. по его следам отправился на Амур ленский промышленник Ярко Хабаров с 80 охотниками. Спустившись по Лене, он достиг Олекмы и поднялся вверх до устья Тугира. Отсюда, перебравшись через Становой хребет, он вышел к реке Урке и по ней достиг Амура. Овладев оставленной даурами крепостью Албазин, он вернулся в Якутск за подкреплением и в 1651 г. спустился вниз по Амуру, где с бою взял ряд даурских «городков» и построил несколько острогов, обьясачив местное население. С этого времени русские обосновались на верховьях Амура, изредка совершая поездки в низовье, пока не были выбиты превосходными по численности китайскими войсками. Крепость Албазин дважды разрушалась китайцами и, наконец, была окончательно оставлена в 1689 г. По заключенному в этом году между русскими и китайцами нерчинскому миру, русские покинули Приамурский край. Но походы Пояркова, Хабарова и других казаков не прошли бесследно. От них сохранились не только развалины крепости Албазин, но целый ряд донесений и актов, содержащих ценнейшие сведения о народах Амура в XVII в.

Походы Хабарова, Пояркова и прочих землепроходцев, изобиловавшие необычайными зверствами и разбоями, есте-

* Льяная ткань.

** Дополнения к Актам Историческим, том III, Акты о плавании письменного головы В. Пояркова.

ственно, навели панику на мирных рыбаков и охотников: «...и поплыли вниз по Амуру иплыли два дня да ночь и улусы громили... и в тех улусах многих людей побивали и ясыр имали иплыли семь дней от Шингалу дючерами, и мы их в пень рубили и жен их и детей имали и скот».* Подобными сведениями пестрят донесения казаков.

Буйные подвиги казаков нагнали страх даже на могущественную тогда китайскую империю: «В это время, — читаем мы в одном китайском документе. — люди из царства Ло-чэ**», или Лао-цзен, взбунтовались, пришли на Улун-цзен*** и в стране Хэй-цзинь**** отнимали соболя меха, оружие их было весьма страшно. Их царство простирается на восток на 10 000 ли.***** Из произведений их весьма превосходны парча и лаковые приборы. Люди все с вналыми глазами, высоким носом, зелеными зрачками и красными волосами; они храбры как тигры, искусны в стрельбании из ружей; у них были пушки, называемые арбузом, потому что форма их ядер похожа на арбузы; они метко попадали в неприятельский лагерь, хотя бы на расстоянии нескольких ли, и только там растрескивались; кто ни попадался, непременно был убиваем. Манчжуры все испугались. Цзень-цзюнь, донося об этом государю, просил о спасении».* * * * *

В еще большей мере паника охватила гольдов и гиляков. Население в панике бежало в тайгу. Но в низовьях Амура, среди ульчей и гиляков, русские наткнулись на упорное сопротивление отдельных родов: так, у ульчского рода Орусугбу сохранился целый цикл преданий о борьбе с «амба-лоча»***** и победе над ними. Среди этого цикла есть рассказ о том, как Орусугбу уничтожили отряд русских, пришедших на большой лодке с моря. В лодке был 31 человек. Русские захватили в плен ульчскую женщину, посовествовавшую своим родственникам пригласить русских на пир; во время еды женщины потихоньку снесли оружие русских на берег и побросали его в воду. Тогда Орусугбу напали на русских и перебили 30 человек, только один спасся, переплыв протоку. Этот рассказ удивительным образом согласуется с имеющимся у нас документальным свидетельством о том, что в 1655 г. группа казаков, в количестве 30 человек под руководством

* Дополнения к Актам Историческим, собранным и изданным Археографической комиссией Академии наук, т. III, стр. 100.

** «Ло-чэ» или «Лоча» — термин, которым называют русских большая часть сибирских народов, а также манчжуры.

*** Амур.

**** «Хэй-цзинь» — китаизированное произношение манчжурского слова «ходзон» — «вниз по реке живущие». В данном случае — гольды.

***** Ли — около $\frac{1}{2}$ версты.

***** У-чень, 1857.

***** «Амба-лоча» — буквально, черти-русские.